

© 1997 г.

Л.Н. КОГАН

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОВИНЦИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

КОГАН Лев Наумович - доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ,

Слово «провинция» появилось в русском языке в 1711 г., когда страна была разделена на отдельные территории - провинции. Впоследствии это деление было упразднено, а слово «провинция» приобрело иной смысл. «О провинция! Ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность Ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!... Какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего, вызывающего мысль?» - писал М.Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» в 1856 г. [1, с. 231]. Об узости и скуке провинциальной жизни в начале нашего века говорили М. Горький, А. Куприн, Г. Успенский, А. Чехов... Провинция рассматривалась ими не просто как территория, а как определенный **образ и стиль жизни**. Отсюда и «провинциал», соответственно, воспринимается не как любой житель провинции, а носитель этого образа жизни. То есть это человек низкого культурного развития; обыватель, лишенный высоких гражданских идеалов; типичный конформист, боящийся сильных мира сего, преклоняющийся перед всем столичным (Хлестакову удалось во многом потому околдовать гоголевских чиновников, что он «столичная штучка»).

Таким образом, «провинциал» - далеко не всякий житель провинции, а **специфический тип личности**.

Степень «провинциальности» региона зависела не только от его удаленности от столиц, но и от ряда других факторов: от величины города и его статуса; от уровня экономического развития региона, а главное - от наличия в нем культурного слоя, определявшего его духовный потенциал. До середины XIX в. этими носителями культуры являлись в первую очередь дворяне, которые составляли около 1,2% всего населения России. К концу XIX - началу XX вв. определяющую роль в этом слое стали играть **интеллигенция** и образованная буржуазия. Развитие крупной промышленности, строительство железных дорог, создание мощных акционерных обществ и пр. во многом изменило специфику российской провинциальной жизни, но отнюдь не ликвидировало ее. Сама судьба постоянно живущего в провинции интеллигента (даже с университетским образованием) была весьма различной. Одни оказывались неспособны активно противостоять засасывающему влиянию провинциального образа жизни, постепенно превращаясь в провинциалов-обывателей (таковы, например, Войницкий и Астров в «Дяде Ване» Чехова, Цыганов и Черкун в «Варварах» Горького). Другие чувствовали себя временными людьми и жили надеждой поскорее перебраться в столицу. За их жалобами на провинцию, пишет Салтыков-Щедрин, «...обычно следуют стремления в Петербург» [1, с. 35]. И только третья, самая

незначительная по количеству часть интеллигенции, оставалась в провинции и отдавала все свои силы росту ее духовного потенциала. Это были подлинны подвижники, ибо российская провинция, в отличие от развитых стран Запада, была лишена самых необходимых учреждений культуры.

Проблема соотношения центра и окраин в той или иной мере есть, вероятно, везде, но нигде в Европе она не стоит так остро, как в России. Причина этого - отнюдь не только в гигантских масштабах страны. Централизованное государство в борьбе против иноземных захватчиков сложилось вокруг Москвы еще в эпоху Ивана III, Василия I и Ивана IV. С тех пор столицы прежних самостоятельных княжеств оказались всецело подчиненными центру и развивались как второстепенные провинциальные города. На Западе создание централизованных государств произошло позднее (скажем, в Германии - только в XIX в.). Объединялись уже развитые земли с крупными, имевшими богатую самостоятельную историю, столицами. Центр искусства Италии скорее Флоренция, чем Рим, кинофестивали и конкурсы проходят в Венеции. Лучшие музеи Германии - в Дрездене. Веймар сохраняет дух Шиллера, Гете и Листа... В ряде стран при создании единого государства столицей оказывался не самый крупный город, а небольшой административный центр (Вашингтон, Берн, Канберра и др.).

В России при Петре I столица поменялась, но централизация усилилась. Именно в эту эпоху и вводится в официальный политический лексикон понятие «провинция».

В начале XIX в. (1809 г.) на 39 губерний России приходилось всего 26 гимназий, на 436 уездных городов - 72 уездных училища. В середине века (1851 г.) во всей «коренной России» (включая столицы) работала 61 мужская и женская гимназия [2]. В Харьковской губернии, например, в 1891 г. из 426 школ только в 233 были библиотеки, причем только 73 из них в какой-то мере соответствовали своему назначению [3]. Количество подобных фактов можно сколько угодно умножать. Во всей провинции (в границах современной России) имелось два университета - Казанский и Томский. Только перед самой революцией начали создаваться еще три - Пермский, Новочеркасский и восточных языков во Владивостоке. Многие крупные города не имели стационарных театров, пробиваясь случайными антрепризами.

Тонкий слой интеллигенции не мог обеспечить необходимой для творчества духовной атмосферы и среды, поэтому родившиеся в провинции талантливые писатели, художники, музыканты рано или поздно устремлялись на жительство в столицы.

Еще недавно аксиомой было утверждение, будто бы революция навсегда разрушила старую провинцию, что ушли в прошлое «городки Окуровы», с их мещанским «идиотизмом провинциальной жизни» [4]. Сегодня такое суждение, безусловно, является односторонним.

Мы никоим образом не склонны преуменьшать заслуги Советской власти в деле развития культуры провинции. На территории современной России было создано свыше 30 классических университетов, десятки педагогических, медицинских, сельскохозяйственных, технических институтов, институтов искусства и культуры. В провинции возникли десятки театров, постоянные цирки, музеи, филармонии, издательства...

Быстро идущий с начала 30-х годов процесс урбанизации, связанный с индустриальным развитием страны, во много раз увеличил количество работающих на местах специалистов. В Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке появились крупнейшие центры Академии наук, работали сотни научно-исследовательских отраслевых институтов. Все это значительно изменило старый провинциальный образ жизни. Однако говорить об его исчезновении было бы явно преждевременно. Более того, достижения не только устраняли, но и порождали новые противоречия.

Быстрое развитие новых индустриальных центров сопровождалось тем, что многие старые города перешли в разряд «неперспективных» и остановились в своем развитии, так захирели многие малые города Центральной России типа Городца, Торжка,

Юрьева или Ростова Великого, сибирский Тобольск, древнее Верхотурье в Свердловской области и т.д.

Растущие же города все более унифицировались, становились похожими друг на друга. Уничтожались уникальные храмовые здания, старые особняки, торговые ряды. На их месте воздвигались кварталы типовой застройки. Везде строились одинаковые типовые школы, клубы, универсамы и т.д. Даже репертуар в театрах различных городов был в основном одинаковым...

Все регионы страны попадали во все большую зависимость от центра. Находясь на централизованном государственном финансировании, учреждения культуры не могли взять ни одного человека сверх установленных штатов. Репертуар провинциальных театров утверждался министерством, равно как и тематика научных исследований. Вся средняя и высшая школа работала по строго централизованным учебным планам и программам. От Бреста до Владивостока школьники учились по единым типовым учебникам. Другими словами, **весь духовный потенциал провинции определялся центром и находился под строжайшим его контролем.**

Одновременно шел процесс духовного «ограбления» провинции, когда Москва по самым разным причинам стремилась собрать у себя лучших профессионалов, специалистов, которые стремились, в свою очередь, перебраться в столицу. Студенты и аспиранты, обучавшиеся в московских вузах, всеми правдами и неправдами стремились «закрепиться» в столице. Присланные из Москвы специалисты рассматривали себя как временных жителей провинции и использовали любую возможность для возвращения. При всех строгостях московской прописки количество мигрантов из провинции постоянно росло. Эти мигранты, на наш взгляд, делились на два потока.

Первый (условно назовем его «чиновниками») состоял из партийных, советских, профсоюзных и комсомольских кадров, директоров крупных предприятий. Едва ли не каждый крупный руководитель, переведенный на работу в центральный аппарат, «тянул» за собою преданных ему земляков (подчас и родственников), «пробивая» им квартиры и прописку в столице. Нередко звезда «покровителя» закатывалась, а перетянутые им люди навсегда оседали в столице.

Второй поток можно условно назвать «талантами». Это наиболее яркие провинциальные ученые, артисты, музыканты и т.д., которые (при наличии соответствующих анкетных данных) переводились в Москву. Приведу только весьма неполный, но впечатляющий список артистов, переведенных в столицу только из одного Екатеринбургского театра оперы и балета в разные годы: Козловский, Лемешев, Щегольков, Гуляев, Штоколов, Архипова, Демидова, Пантофель-Нечецкая и многие другие. В результате провинция лишилась самых ярких творческих сил. Не случайно Москва представлялась в сознании провинции в виде гигантского спрута, высасывающего из нее соки...

В итоге, при всем несомненном росте духовного потенциала регионов они оставались для центра все той же провинцией. Чем меньше город, чем слабее в нем состав интеллигенции, тем более явно проступали традиционные черты старой провинциальной жизни с ее сплетнями, конформизмом, узостью кругозора. При этом важно подчеркнуть, что областной (краевой, республиканский) центр строил свои отношения с городами и районами области на таких же основаниях, на которых строились его отношения с Москвой. Все отмеченные выше отношения в миниатюре проявлялись и здесь. Не случайно начало нового периода жизни страны в конце 80-х - начале 90-х годов сразу ознаменовалось **центробежными** тенденциями регионов.

Новая общественно-политическая ситуация в 90-е годы привела к серьезным изменениям в отношениях регионов и центра, но только не к ожидавшемуся росту духовного потенциала провинции. Более того, они усугубили некоторые негативные черты провинциального образа жизни. Конечно, при переходе к новым экономическим отношениям на местах возникли десятки (если не сотни) негосударственных - кооперативных, акционерных и иных гастрольных фирм, студий, национальных

культурных объединений и т.д. Создаются товарищества художников, артистов разных театров, гастрольных бригад и т.д. В изобилии организуются выставки художников разных школ и направлений. Исчезла практика официальных просмотров, разрешений или запретов спектаклей. Каждый творческий коллектив сам выбирает интересный для него репертуар. Вряд ли уже возможно вернуться к той строгой системе идеологического подавления и контроля, которая царила десятилетия. Свобода - необходимое условие творчества, и ее значение для любого ученого, педагога, деятеля искусств поистине невозможно переоценить.

Центр утратил значительные преимущества в снабжении, что, безусловно, ослабило центростремительные тенденции. Резко сократился приток в столицу талантливых людей из регионов. Сегодня далеко не всякая семья может позволить себе содержать студента или аспиранта в столице. Министерства, Академия уже не в состоянии обеспечить изымаемых из провинции «талантов» жильем, а сами они денег на покупку московских квартир не имеют.

Зато поток «чиновников», переселяющихся в Москву, значительно возрос. Каждая из многочисленных властных структур стремится опереться на «своих» людей из регионов. Народные депутаты, утратив на очередных выборах свое место в Думе, сохраняют полученные ими квартиры и остаются в Москве.

Ныне появился третий, самый мощный поток мигрантов в Москву. Это бизнесмены, «новые русские». Они и покупают московские квартиры (до 8 тыс. квартир в год) [5], создают свои офисы и т.д. Общеизвестно, что часть из них имеет прямую связь с уголовным миром. Именно за счет «чиновников» и людей бизнеса и продолжает расти столица.

Можно предположить, что провинция выиграла от сокращения потока «талантов» в столицу - нередко многие из этих людей на местах оказались невостребованными и вынуждены работать не по своей специальности. Кроме того, почти иссяк поток «талантов» из городов и районов в областной (краевой) центр. Здесь снова в миниатюре повторяются отношения Москвы и регионов.

Быстро прошла эйфория создания негосударственных творческих объединений: они быстро поняли, что без дотаций им не прожить. Немногих из них стали финансировать муниципальные органы, большинство же перестало существовать.

Подтвердился непреложный закон, действующий во всех странах мира. В условиях рынка без дотаций может выжить (и даже приносить прибыль!) только «массовая» культура. «Высокая» же культура всегда затратна. Действительно, в любом регионе России непрерывно проходят концерты бесчисленных «звезд» эстрады. Доход от этих концертов огромен. Так, например, средняя цена билета на концерты Лаймы Вайкуле в Екатеринбурге (ноябрь 1996 г.) составляла 120 долларов! В это же время артисты театра оперы и балета не получали зарплаты еще за летние месяцы...

Конечно, и сегодня в провинции не вывелись подинно бескорыстные меценаты, готовые поддержать культуру. Но подчас их собственный культурный уровень таков, что они, вкладывая средства в выборы очередной «мисс» на «конкурсе красоты», искренне верят, будто способствуют расцвету культуры.

В провинции гораздо рельефнее, чем в столицах, проявляется **противоположность двух культур - «высокой» и «массовой».**

Непрерывно слабеют традиционные связи московских и периферийных высших учебных заведений. В институтах регионов ныне легче встретить ученого из США или Германии, чем московского коллегу. С другой стороны, усилился «столичный снобизм» - пренебрежительное отношение столицы к провинциальным ученым. Дело доходит поистине до анекдотов. В 1996 г. редакция академического журнала «Человек» провела «круглый стол» по проблеме «Интеллектуальный потенциал провинции» [6]. Выступило 10 московских ученых и **ни одного** работающего вне Москвы. Говорили о чем угодно, но не о реальном положении российской провинции.

Практически прекратились гастроли московских театров в регионах, редкими стали передвижные выставки столичных музеев: нет средств. Зато процветают выезды

2-4 актеров столицы со спектаклями. Это стыдливо именуется «малыми гастролями» московского театра. Выходящие в Москве книги (особенно научные) редко попадают не только в книжные магазины, но даже в библиотеки регионов, местные же издания чаще всего не доходят до Москвы. Создается **своеобразный тип «натурального духовного хозяйства»** в каждом регионе. Духовные связи центра и регионов оборвались сегодня даже в большей мере, чем связи в экономической и политической сферах. Этот вопиющий разрыв некоторые местные руководители стремятся оправдать мифами о «самодостаточности» региональной духовной жизни или даже о какой-то «уральской», «самарской» или «вологодской» духовности. Сложившееся положение опасно для единой «национальной культуры». Прав А. Лысенко, утверждая, что в современных условиях только радио и телевидение выступают для основной массы населения «последней нитью», связывающей центр и регионы в пространстве национальной культуры [7].

В 60-70-е годы провинциальные интеллигенты считали своим долгом во время поездок в столицы побывать в Третьяковской галерее, Эрмитаже, Русском музее. Иной провинциальный специалист посвящал свой отпуск культуре столичных городов и видел не меньше шумевших спектаклей, чем его столичный коллега. Для школьников и студентов систематически устраивались экскурсии с целью знакомства с культурной жизнью столиц. Сейчас даже командированный в Москву специалист не позволяет себе ни на один лишний, не оплаченный командировочными день задержаться там. Новое поколение знает о столичных музеях, как правило, из телепередач или не знает совсем. Национальные святыни оказались недоступными большинству нации!

Важно отметить, что центробежные, сепаратистские тенденции присущи местным властям, но отнюдь не интеллигенции, которая в своей основной массе по-прежнему уповает на центр и от него ждет помощи и духовного обновления.

Сегодня во многом изменилось само содержание понятия «провинциал». Он уже редко бывает похожим на щедринского обывателя. Современный провинциал может быть и формально образованным человеком. Главная же характерная его черта - отсутствие интереса ко всему, что находится за чертой его города или района. Фигура начальника его департамента (директора, управляющего и т.д.) для него несравненно важнее Президента России. Местные известия о городских новостях он предпочитает известиям федеральных теле- или радиоконпаний. Если ему регулярно выдают зарплату, ему нет никакого дела до забастовок шахтеров Кузбасса или Приморья. **Он - порождение провинциального изоляционизма и одновременно - активный его сторонник.** Его политическая активность пробуждается лишь в том случае, если ущемляются его сугубо личные интересы; в остальных случаях он политически индифферентен. Такой провинциал готов идти за тем, кто больше пообещает ему. Духовная жизнь региона, как правило, совершенно не интересует его. Столица кажется ему чем-то бесконечно далеким и чужим, словно Сидней или Чикаго...

Однако самым негативным и трудно исправимым впоследствии признаком провинциальной жизни сегодня является процесс воспроизводства провинциального сознания у вступающих в самостоятельную жизнь поколений. Вот несколько конкретных фактов.

Для каждого человека понятие «Родина» включает обычно два смысла: «большая Родина» - страна, где он живет, и «малая Родина» - город, село, где он родился, провел детство, где похоронены родные, где расположена школа, в которой он учился. Очевидно, нельзя быть подлинным патриотом «большой Родины», не будучи преданным своей «малой Родиной». В 1995 г. в районном центре Свердловской области г. Красноуфимске (46,5 тыс. населения) было проведено исследование ориентаций учащейся молодежи. Место исследования выбрано не случайно. Красноуфимск считается одним из самых «благополучных» городов области по развитию системы образования. Именно здесь в декабре 1995 г. работала секция образования Международной конференции ЮНЕСКО. В ходе исследования (рук. - проф. Г.Е. Зборовский) были

Учащиеся о содержании понятия «Родина»

Варианты	% к числу опрошенных
Родной город (село), с которым связаны детские воспоминания	56
Природа моего края	41
Культура, язык моего народа	35
Обычаи, традиции, национальный характер моего народа	28
Родина - там, где хорошо	23
Это просто населенный пункт, где я родился	17
Затрудняюсь ответить	2
Это пустое слово, способ обмануть человека	1

опрошены по пропорциональной выборке 909 учащихся учебных заведений разных типов. Результаты исследования весьма интересны (см. табл.).

Таким образом, для большинства Родина связана именно с родным местом - «малая Родина» (позиции 1 и 2). «Большую Родину» выделило 63% опрошенных (позиции 3 и 4). 41% опрошенных весьма прохладно, прагматически или даже нигилистически относятся к понятию «Родина».

Для нас эти данные по малому уральскому, сугубо провинциальному городу (в нем нет крупных предприятий, это центр сельскохозяйственного района) очень важны. Любовь к своей «малой Родине» - чаще всего залог заботы о процветании родного города (села). Однако только 12% учащихся не хотят покидать после окончания обучения родной Красноуфимск. 19% планируют покинуть город временно для продолжения учебы. Следовательно, свое будущее связывает с Красноуфимском каждый третий опрошенный. В то же время 19% хотят перебраться в крупный город, 6% - уехать из области, а еще 6% - вообще покинуть Россию. 9. Каждые 2 из 5 респондентов не имеют еще определенных планов на будущее.

Сравним эти цифры с данными, полученными при исследовании учащейся молодежи г. Екатеринбурга (рук. - доц. В.Г. Попов). Здесь планируют остаться в родном городе (работать и учиться) 73,1%, выехать за его пределы - 16,4% (остальные еще не определились). Важно отметить, что, задумываясь о долгосрочных жизненных планах (после получения высшего образования), почти каждый третий учащийся г. Екатеринбурга (29,9%) планирует переезд на постоянное место жительства за рубеж 10. Это, на наш взгляд, очень тревожный симптом. Но удивление скорее вызывает не это, и не то, что в миллионном городе с развитой сетью специальных учебных заведений, разнообразием рынка труда доля желающих остаться неизмеримо больше, чем в районном центре. Удивления достоин сравнительно высокий процент молодых людей, желающих остаться в Красноуфимске или вернуться туда. Причина же этого заключается не столько в преданности своей «малой Родине», сколько в ограниченности духовных потребностей части выпускников - особенно училищ начального профессионального образования.

Исследование в г. Красноуфимске показало: 36% опрошенных учащихся не интересуются политикой, 35% не имеют политической ориентации, еще 7% считают ее «грязным делом» и лишь 7% проявляют к ней интерес и столько же принимают участие в работе местных политических организаций.

Среди ранговых предпочтений учащейся молодежи на первых местах стоят просмотр телепередач, бесцельные прогулки по улицам. Чтение занимает у девушек третье, а у юношей пятое место, посещение кружков, секций, студий - соответственно 6 и 7 места, на 8-е место юноши и девушки ставят выпивку, 5-е место у девушек занимает посещение подруг (у юношей посещение друзей на 9 месте)... При этом самостоятельные занятия и у юношей, и у девушек на 11 месте, подготовка к учебным занятиям - на 13 и 10, посещение кинотеатров, соответственно, на 12 и 14 местах, даже дискотека у юношей отходит на 10, а у девушек - на 6-е место [11].

Таким образом, духовные притязания значительной части учащихся весьма скромны и вполне могут быть удовлетворены в условиях Красноуфимска. Этот вывод подтверждается и ответами на вопрос «Какие формы культурной жизни следовало бы внедрять в городе?». Приведены результаты опроса (в % к числу опрошенных): дискотеки, танцы - 59, праздники и гуляния - 29, конкурсы красоты - 26, ярмарки, продажи, аукционы - 20, спортивные праздники и фестивали - 20. Театр отметили лишь 9% учащихся, художественные выставки - 10%. Характерно и пренебрежение **народной культурой**, она заняла последнее (11-е) ранговое место, а развивать ее предполагают всего 5% опрошенных [12].

Привлекательность большого города для молодежи обычно связывают с **наличием** в нем высококвалифицированных специалистов. Каких же специалистов не хватает в г. Красноуфимске, по мнению учащихся? Здесь мы располагаем данными и по другому городу Свердловской области - Качканару (48,3 тыс. жителей). В обоих городах прежде всего, как считают учащиеся, необходимы косметологи и модельеры (50% в Красноуфимске и 39% в Качканаре), специалисты по бизнесу (соответственно 19 и 35%), психологи (25 и 15%). Недостаток врачей отметили 15 и 11%, ученых - 12 и 13%, юристов - 13 и 15% [13].

Мы подробно остановились на итогах исследования в Красноуфимске потому, что оно раскрывает некоторые механизмы формирования **провинциального сознания**. Провинциал беден прежде всего **осознанием своей духовной бедности**.

Как можно преодолеть провинциализм? Как добиться хотя бы относительного сближения регионов и центра? Подчеркнем, мы не строим воздушные замки и не полагаем, подобно герою «12 стульев», что Москва превратится в Нью-Васюки, а вознесенные на гребне шахматного бума Васюки станут Нью-Москвой. Речь идет лишь о таком развитии духовного потенциала любого региона, который, если и ликвидировал, то хотя бы существенно подорвал провинциальное сознание. Любовь к «малой Родине» должна основываться на гордости за свой город (как мал бы он ни был), за его традиции, его людей.

Разумеется, коренные изменения могут наступить только тогда, когда страна выйдет из экономического тупика. Пока же значительная часть населения живет в состоянии бедности и нет уверенности в завтрашнем дне, говорить о росте духовного потенциала провинции по меньшей мере наивно. Однако из этого бесспорного положения совершенно неверно делать вывод, что в современной тяжелой обстановке все культурные силы провинции должны ждать, пока экономическое положение улучшится и только лишь потом приниматься за духовное развитие провинции. Весь мировой опыт свидетельствует о том, что **без больших изменений в духовном облике людей подъем экономики принципиально невозможен**.

Многое, разумеется, зависит от отношения к культуре федеральных и местных властей, от финансирования «высокой» культуры и ее работников. Однако сами по себе финансовые вложения при всей их необходимости еще не будут панацеей: важно, чтобы деньги были израсходованы на важнейшие, приоритетные направления. А для этого каждое местное самоуправление, начиная с района (города), должно иметь четкие перспективные программы развития культуры. Эти программы не могут разрабатываться одними чиновниками-управленцами. К работе над ними следует широко привлекать местную **интеллигенцию**, от которой, в конечном счете, зависит духовный потенциал региона.

В подтверждение этой мысли стоит кратко остановиться на опыте работы интеллигенции г. Шадринска Курганской области (86,7 тыс. населения). Здесь сложилась группа энтузиастов-преподавателей педагогического института, инженеров, артистов драматического театра, учителей. Составлено и издано полное описание исторических памятников города, утвержден проект реконструкции охранных зон, активно идет изучение истории города и района - регулярно выходят исторические сборники «Шадринская старина», издана родословная известных в прошлом жителей Шадринска, идет работа над составлением «Энциклопедии» города и учебника по его

истории для школ. С помощью предприятий издано несколько книг местных литераторов, издается популярная в городе литературная газета «Шадринский гусь». Вся эта гигантская работа осуществляется безвозмездно, в свободное время [14]. Общеизвестно, что духовный потенциал маленького Шадринска значительно выше, чем областного центра или соседнего крупного Каменска-Уральского.

В Пермской области важным центром духовной жизни стал г. Березники (201 тыс. жителей). Здесь усилиями местных краеведов создана целая библиотека по истории Прикамья, его людям, памятниках культуры, экономике, народных промыслах. В отличие от Шадринска эта работа не замыкается в черте города и района. С 1991 г. здесь прошло 6 больших межрегиональных конференций, которые посвящены коренным проблемам краеведения. Материалы этих конференций изданы. В Шадринске и Березниках местная интеллигенция определяет духовный потенциал города. Подобные города есть, разумеется, и в других регионах.

В наше сложное переходное время значительная часть интеллигенции ограничивается непрерывными жалобами и сетованиями, часть мечтает об эмиграции в «благополучные» страны и лишь сравнительно немногие, не покладая рук, стремятся и в этих условиях выполнять великую миссию интеллигенции - развивать культуру общества. Без этой повседневной, кропотливой работы преодоление провинциализма невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салтыков-Щедрин М.Е. Поли. собр. соч. Т. 2. Л., 1933. С. 231, С. 35.
2. См.: Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. II. М., 1994. С. 283.
3. См.: Там же. С. 357.
4. См., например: Горький А.М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 26. М, 1953. С. 373.
5. См.: Аргументы и факты. 1996. N 44.
6. См.: Интеллектуальный потенциал провинции // Человек. 1996. N 4.
7. См.: Лысенко А. Эпоха двуглавого орла на Российском телевидении // Известия. 1996. 13 ноября.
8. Зборовский Г.Е. и др. Система образования г. Красноуфимска. Социокультурное пространство. Екатеринбург - Красноуфимск, 1996. С. 34.
9. Там же. С. 31.
10. Попов В.Г. Социальная ориентация молодежи в начальный период перехода к рыночным отношениям. Екатеринбург, 1994. С. 41.
11. Зборовский Г.Е. и др. Система образования г. Красноуфимска. С. 70.
12. Там же. С. 28.
13. Там же. С. 95.
14. См.: Бритвин А.М. Изучение и использование памятников истории г. Шадринска и Шадринского уезда // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Березники. 1995. С. 140-141.